

## Россия после кризиса: вызовы модернизации

Избранные места  
из стенограммы  
Междисциплинарного  
круглого стола  
журнала  
«Гуманитарный  
контекст»

**Андрей Колесников**, главный редактор журнала «Гуманитарный контекст»,  
**Дмитрий Травин**, научный руководитель Центра исследований модернизации Санкт-Петербургского Европейского университета, **Денис Драгунский**, главный редактор журнала «Космополис»,  
**Виталий Куренной**, заведующий кафедрой наук о культуре ГУ-ВШЭ,  
**Максим Трудолюбов**, заведующий отделом «Комментарии» газеты «Ведомости»,  
**Владимир Преображенский**, заместитель генерального директора компании СУЭК,  
**Иосиф Дискин**, заместитель директора института социально-экономических проблем народонаселения РАН, сопредседатель Совета по национальной стратегии,  
**Алексей Руткевич**, декан факультета философии ГУ-ВШЭ, **Владислав Иноземцев**, главный редактор журнала «Свободная мысль», научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, **Никита Масленников**, советник института современного развития, **Максим Блант**, экономический обозреватель Newsru.com, **Йен Прайд**, исполнительный директор московского представительства компании Eurasia Strategy & Communications (Великобритания), **Дмитрий Орешкин**, политолог

Виталий Куренной

### Доклад «МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ»

Тема модернизации в настоящее время вновь актуализирована, несмотря на широкое интеллектуальное сопротивление, которое ей оказывалось на протяжении последних лет. Модернизация как определенная концептуальная рамка продолжает сохраняться в качестве фактически единственного внятного социально-политического ориентира для российской политической элиты. Но несмотря на эту победу модернистов, теоретическая и эмпирическая разработка феномена модернизации остается в отечественном

Как ни модернизируй,  
все равно Советский Союз  
получается

обществоведении, продолжает руководствоваться несколько упрощенными схемами. Это обусловлено помимо собственно интеллектуальных причин высоким идеологическим напряжением, связанным с производством «дискурса модернизации», легко превращающимся в упаковку для идеологических доктрин, составляющих лишь один из многих элементов модернизации как более широкого и комплексно-го процесса.

В этом кроется также большая сложность для просачивания модернизированного образа мыслей в более широкие социальные и интеллектуальные слои. Основным препятствием здесь является очевидное несовпадение теоретических схем, используемых пропагандистами модернизации, и окружающих реалий. Не случайно весьма остроумные исследователи российской реальности начисто отказываются от кате-

гориального аппарата модернизационных теорий, констатируя наличие социальных процессов и феноменов, не имеющих ничего общего с хрестоматийными дескрипциями модернизации.

Здесь я рассмотрю основной недостаток бытующих теорий модернизации и характер используемых в них упрощений, а также постараюсь сформулировать характер некоторых из тех концептуальных апгрейдов, в которых нуждаются ходовые упрощенные модели. Полагаю, что эти обновления позволят также сделать использование концептуального языка модернизации более приближенным к протекающим в современной России процессам.

1. Наиболее распространенные версии теорий «модернизации» являются слегка подновленными новым понятийным аппаратом разновидностями старой эволюционной парадигмы, сформировавшейся в XVIII-XIX веках. В своей канонической форме эволюционная модель имеет, в частности, следующие особенности:

а. Эволюция оценивается как прогрессивный процесс («прогресс»), в ходе которого нарастает рациональность механизмов социального взаимодействия при одновременном росте индивидуализма (личной свободы) и социальной дифференциации в целом.

б. Эволюция протекает во всех обществах по примерно одной схеме.

с. В ходе эволюции прежние («традиционные», «авторитарные» и т.д.) отношения отмирают, замещаясь новыми — более дифференцированными и рациональными — связями, обеспечивающими социальную интеграцию.

д. В своих экономических разновидностях теория модернизации подчеркивает приоритет экономических

изменений, выступающих в роли двигателя всех прочих.

е. Процесс эволюции является имманентно необходимым и необратимым. Отказ от эволюционных завоеваний может быть вызван лишь внешними процессами или элементами, чужеродными имманентной необходимости самого эволюционного процесса.

Трактовка теорий модернизации как «вершины» эволюционистских теорий — прописная истина в современных российских университетских учебниках,<sup>1</sup> поэтому не имеет смысла задерживаться на этот вопросе подробнее.

Теория модернизации, завершившая свое концептуальное оформление в американской общественно-политической науке второй половины XX века, является, кроме того, идеологическим проектом, о чем сегодня открыто говорят американские обществоведы: «Модернизация возникает как идеология победителей с Запада. Победившие державы Запада на пике своего успеха смотрели на остальной мир как на мир, который необходимо довести до уровня гражданского общества, до уровня демократии, существующей на Западе».<sup>2</sup> Российская политическая наука, или политология, развивающаяся в настоящее время под определяющим влиянием американской научной среды, восприняла понятие «модернизации» в этом упрощенном и тем самым весьма удобном варианте. На сегодняшний день политологическое образование в лучших его российских образцах (о худших говорить не будем) уже сложилось именно в русле этой специфической политологической традиции.

К этому можно добавить следующее. Использование теории модернизации в качестве идеологического инстру-

мента основано на ее историцистском характере (в том смысле, как «историцизм» трактуется Карлом Поппером). Модернизация в таком случае — это необходимый закономерный процесс, которому разумно следовать, чтобы не вступать в конфликт с логикой самой истории. Если ему препятствовать, то это ведет к негативным последствиям — экономическим, политическим, социальным и т.д. Такую же формулу необходимой историцистской закономерности эксплуатировал, кстати, и марксизм. Эта историцистская логика теории модернизации делает политическую практику заложником формулы: «Судьба разумных ведет, непокорных влечит».

2. Оппонентами эволюционной и, соответственно, модернизационной доктрины выступают разного рода концепции, подчеркивающие самобытный характер общественного уклада и развития. Исторически спектр этих концепций простирается от Эдмунда Бёрка до поздних работ Сэмюэля Хантингтона («Столкновение цивилизаций»). Эти теории, прежде всего под влиянием немецкого политического романтизма, в XIX веке получили широкое распространение и в России. И до сих пор продолжают использоваться для легитимации тех или иных вариантов теорий «особого пути» России.

3. Столкновение теорий модернизации и теорий особого пути или самобытности является, как правило, лобовым — они противостоят друг другу как контрадикторные позиции, взаимно отрицающие друг друга. Указанное теоретическое столкновение является не просто интеллектуальной коллизией, но имеет непосредственное влияние на политическую практику. Это влияние обусловлено следующим концептуальным тупиком: если мы наблю-

даем систематическое отклонение некоторого общества от схемы развития, предписанной теорией модернизации, то напрашивается вывод, что данное общество является самобытным, значит, следует больше доверять теориям особого пути. Формула «суверенная демократия» является примером следствия интеллектуального тупика, в который загоняет политическая практика данное противопоставление.

4. Формулой, маскирующей данную коллизию, является тривиальный тезис о том, что процесс модернизации в каждой стране (культуре) протекает специфическим образом.

5. Существуют попытки разрешить это противоречие применительно к России посредством разведения технологического и социокультурного аспекта модернизации — эту операцию проделывает А. Дугин посредством заимствованной у С. Хантингтона формулы «модернизация без вестернизации». Дерек Хопвуд, рассуждая об исламском мире, так описывает это различие, используя для его обозначения понятия «модернизация» и «модерн»: «Модернизация представляет собой внедрение в общество артефактов современной жизни — железных дорог, систем коммуникаций, промышленности (сейчас этот фактор имеет меньшее значение), технологии, бытовых приборов. Модерн (модернизм) — это общий термин для обозначения политических и культурных процессов, возникающих с появлением в обществе новых идей, новой системы экономического устройства или образования. Это определенный образ мышления, образ существования в современном мире и позитивное отношение к переменам».<sup>3</sup> Эта дилемма в разных вариантах активно рефлексировалась исламскими интеллектуалами,

поскольку в исламе сформировалось специфически негативное отношение к переменам, вытекающее из лояльности к традиции. Возникает только одно маленькое недоразумение: с какой стати эта проблема, возникающая в культурно-специфическом исламском мире, в целом относится к российскому обществу, бурно реализовавшему в XX веке собственную версию проекта модерна?

6. Выход из указанного тупика теоретической и практической ориентации возможен путем концептуального расширения теории модернизации.

Модернизация — это прежде всего институты

Для этого можно обратиться от накатанных и упрощенно-схематичных теорий политологии к более дисциплинарно свободной сфере политической философии. Поскольку именно политическая философия обладает лучшей исторической памятью и свободна от узких рамок устоявшегося школьного канона современной политологии.

7. Указанное расширение теории модернизации может быть предпринято в двух направлениях. Во-первых, за счет более внимательного отношения к социально-культурному аспекту модернизации. Это означает, что модернизация — не только набор технологических, экономических и политических изменений, но более комплексный процесс, требующий выполнения некоторых социокультурных предпосылок. На эти предпосылки обращает пристальное внимание в своих работах, в частности, Ф. Фукуяма, варьируя тезис о том, что динамичная капиталистическая экономика возможна лишь при наличии в обществе определенных социальных предпосылок («со-

циального капитала»), формирование которых находится в компетенции культуры. Такое расширение понятия модернизации позволяет отказаться от упрощенных представлений о том, что модернизация, например, является политико-административной задачей, которая может быть реализована бюрократическими или мобилизационными средствами. Власть может создать инфраструктурные предпосылки для модернизации, но формирование современного общества — это не прерогатива исключительно политической власти и рынка.

8. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, необходимо самым серьезным образом обратиться к проблеме антимодернистских структурных следствий самого процесса модернизации. В упрощенной эволюционистской версии модернизация прогрессирующим образом заменяет «традиционные» институты и отношения, продвигаясь по пути рационализации, либерализации и демократизации общественных отношений. Однако модернизация, как отмечали ее наиболее проницательные теоретики, не является просто прогрессивной эволюцией. Процесс модернизации порождает компенсаторные эффекты, которые функционируют как противовес модернизационной динамике и изменчивости. Процесс модернизации также создает условия для появления различных антимодернизационных по содержанию, но обусловленных исключительно самой модернизацией по своему генезису социально-политических реакций.

9. Эти эффекты и реакции не являются «остатками» или «пережитками прошлого», «советской радиацией», если мы говорим о современной российской ситуации. Они являются следствиями, имманентными моментами

самой модернизации. Большинство явлений, которые широко трактуются как фрагменты домодернового общества, — это побочные эффекты самого процесса модернизации. Именно по этой причине все попытки прямолинейно рассматривать их как подлежащие устранению «пережитки» обречены на провал или перетекание в другие превращенные формы.

10. Эпистемологически и практически релевантная теория модернизации, вернее, тот ее расширенный вариант, о необходимости разработки которого здесь идет речь, должна не просто нормативно атаковать антимодернизационные «пережитки», но объяснить их возникновение и распространение в рамках самой теории модернизации и с помощью ее собственных концептуальных средств. В противном случае эти «пережитки», которые имеют тенденцию к усилению, отдаются на откуп альтернативным, антимодернизационным теориям. Только таким образом может быть сформулирован релевантный и реалистический фундамент для действий практического политика, ориентированного на модернизационный проект. Эта задача является тем более актуальной, когда мы говорим о необходимости продолжения модернизационной политики в современных сложных условиях утраты тех ориентиров, которые на протяжении последних лет задавали вектор движения развития не только России, но и всего мирового сообщества. Модернизация должна быть принята и понята во всей своей полноте. Антимодернизационные эффекты, порожденные самой модернизацией, могут и должны быть поставлены под контроль разумной и реалистической модернизационной политикой.

11. Что касается концептуальных

источников, на которые может опираться обогащенный вариант теории модернизации, то они очевидны для непредвзятого теоретика. Во-первых, это «священная корова» современной социологии Макс Вебер. Речь идет не только об анализе значения протестантской культуры и протестантских сект в истории современного капитализма (этот аспект развивается в работах Ф. Фукуямы). Вебер, который анализировал процесс модернизации в терминах «рационализации» современного общества и «расколдования мира», неустанно и весьма мрачно указывал также на вытекающую из этого процесса опасность — рост бюрократизации и бюрократических аппаратов, обращающихся в конечном итоге против хрупкого исторического феномена современной личности.

Карл Шмитт рассмотрел другую сторону этого процесса — правовая рационализация современного общества и одновременная демократизация политического процесса формирует условия для политического феномена диктатуры. Джорджио Агамбен находит подтверждение этому тезису Шмитта в процессе непрерывного нарастания в современных и, казалось бы, наиболее демократических обществах режима «чрезвычайного положения». Нынешний экономический кризис и роль государственной исполнительной власти в попытках его преодоления только усиливают эти выкладки.

Можно вспомнить также формулу Карла Мангейма, которая была полностью предана забвению в современной упрощенной версии теории модернизации: «Диктатура — не антитеза демократии; она представляет собой лишь один из возможных путей, какими демократическое общество пытается разрешить свои проблемы».<sup>4</sup>

Конечно, каждый из указанных источников — самостоятельная и не всегда соизмеримая с другими концептуальная схема. Попробуем, однако, свести все их к фундаментальному элементу, который практически полностью отсутствует во всех разновидностях теории модернизации. Я имею в виду антропологию.

12. Каждый из названных мыслителей на свой манер варьирует тезис о том, что модернизирующееся общество испытывает постоянный соблазн взять под контроль, а в некоторых случаях остановить и повернуть вспять процесс модернизации посредством определенных управленческих механизмов. Таким механизмом в силу исторических причин является, главным образом, государство (исключения составляют, пожалуй, лишь несекуляризованные страны, например Иран).<sup>5</sup>

Почему такого рода соблазн практически неизбежен с антропологической точки зрения? Модернизация предполагает разрушение традиционных институтов — любого рода. И замену некоторых из них рациональными (формальными) схемами — прежде всего системой права, — выступающими как рамка, ограничивающая поведение индивида, который руководствуется во всем остальном своим собственным интересом (политическим, экономическими, культурным и т.д.). Напомню, что существует антропологическая теория институтов, разрабатывавшаяся, в частности, Арнольдом Геленом, а затем Гельмутом Шельски. В ее основе лежит тезис о «недоразвитости» человека, лишённого инстинктов, недвусмысленно и надежно определяющих его поведение в разных ситуациях. Эрзацем биологических инстинктов

и выступает у Гелена «институт». Система традиционных институтов — формировавшаяся на протяжении жизни многих поколений социальная среда обитания человека, компенсирующая его указанную биологическую «недоразвитость». Модернизация предполагает, что человек оказывается в ситуации, лишаящей его институциональной среды обитания и помещающей его в ситуацию перманентного самостоятельного самоопределения. Конечно, тезис о том, что в модерновом обществе исчезают институты, может показаться натяжкой (а как же система права?), но это затруднение необходимо разрешить на терминологическом уровне: есть институты — устоявшиеся модели поведения и организации деятельности и учреждения — формальные системы норм. Разница между ними такая же, как между дедовщиной и армейским уставом. Или, если взять модель Эрнандо де Сото, — между легальной системой норм, работающих под «стеклянным колпаком», и реальными отношениями собственности вне этого колпака в странах, где капитализм «не работает».

Фундаментальной характеристикой ситуации, в которой оказывается человек модерна, является неопределенность. Эта неопределенность тем более невыносима, что он понимает себя как целерациональное существо, освободившееся, возможно, от сковывающих его социальных ритуалов. Данная неопределенность не является, видимо, проблемой для некоторых социально-психологических типажей (на это справедливо указывает Р. Флорида),<sup>6</sup> но и здесь необходимо соблюдение определенных условий, в частности ресурсов для поддержания новой и весьма плотной

системы коммуникаций. Стрессовая неопределенность порождает потребность в определенности, способной принять целый ряд форм (например, посредством формирования партиципаторной идентичности), но в политическом плане выражается в потребности в государстве, которому надлежит взять на себя заботу о предсказуемости, определенности, стабильности. В художественной форме эту антропологическую потребность, кстати, на волне ускоряющейся в России модернизации прекрасно выразил Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе». Разумеется, отвечая на этот оформленный уже политическим (и вполне демократическим) образом запрос, приходит в действие сравнительно самостоятельная логика политической власти.

13. Неопределенность — далеко не единственная характеристика ситуации модерна. Возьмем, например, прогрессирующую рационализацию. Этот процесс имеет свою обратную сторону — не менее быстрое прогрессирование иррационализма. Лучше всего это пояснить на примере науки. Рациональное развитие научного знания привело к тому, что наука как целое и даже в какой-то своей более или менее обширной области является рационально непрозрачной для индивида (в силу нарастающей специализации). Поэтому наука в целом больше не может помочь нам фундаментальным (смысловым) образом ориентироваться в мире. Это оборачивается неожиданным ренессансом, казалось бы, давно отживших или ушедших на периферию культуры практик — начиная с астрологии и гороскопов и заканчивая церковью.

Это лишь одна из многочисленных и разветвленных компенсаторных ре-

акций на процесс модернизации. Весьма подробно теория компенсационных эффектов разработана немецким философом Германом Люббе. Любые, в том числе наиболее модернизированные, общества создают сложную и разветвленную систему компенсаций на процесс модернизации — скорость изменчивости мира, уплотнение инноваций, неопределенность, давление информационного потока, усложнение структур знания и т.д.

**14.** Антимодернизационные эффекты процесса модернизации могут пролить свет и на актуализацию и популярность архаичных на первый взгляд концептуальных моделей. В частности, появление таких работ, как «Столкновение цивилизаций» Хантингтона. Почему в новейший период оказалась востребована теория цивилизационной самобытности в ее очевидно весьма неискушенном интеллектуальном изводе? Усложнение мировой системы и, соответственно, комплекса знаний о ней вызывает потребность в простых картах ориентации, компенсирующих эту сложность и задающих ориентиры для политической элиты (именно эту роль выполнила работа «Столкновение цивилизаций», сформулированная, по сути, как ответ на тезис о «конце истории» Ф. Фукуямы). К этому же ряду компенсаторных явлений я должен отнести и актуализацию таких схем мысли, как «Россия между Западом и Востоком», а также пробуждение страхов перед Китаем.<sup>7</sup> Буквальное воспроизводство идей Вл. Соловьева<sup>8</sup> и Н. Леонтьева,<sup>9</sup> которых трудно назвать великими социально-политическими теоретиками даже для своего времени, может вызвать недоумение, если не учитывать потребность в упрощенных идеологемах, компенсирующих сложность овладения реальным знанием о современных процессах.

### Андрей Колесников:

Спасибо за погружение в поле собственной политической философии. Выясняется, что реальность гораздо сложнее, чем мы пытаемся себе ее представить, но в то же время, если плакатно воспринимать ситуацию с модернизацией, контрмодернизацией, демодернизацией, то можно вспомнить высказывание Вацлава Клауса: «Третий путь — это путь в третий мир». В том смысле, что путь реальной модернизации более или менее понятен — на Запад.

Есть еще один естественный аспект этой темы — изменение ценностей по ходу модернизации, или демодернизации, или нашего пути в третий мир, изменение ценностей по ходу кризиса. Об этом расскажет Максим Трудолюбов, редактор отдела «Комментарии» газеты «Ведомости», который, кстати говоря, побывал недавно в Давосе, где этой теме было уделено нестандартно большое внимание.

### ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См. анализ теории модернизации как «вершины эволюционистской парадигмы» в работе Ионин Л. Г. Социология культуры. 4-е изд. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 55 и далее.
- 2 Калхун Крейг. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Русские чтения Института общественного проектирования, лекция 17.01.2006 на [www.inop.ru/files/calhoun.doc].
- 3 Hopwood D. The Culture of Modernity in Islam and the Middle East // Islam and Modernity: Muslim Intellectuals Respond. Ed. by John Cooper, Ronald L. Nettler and Mohammed Mahmoud. London, New York: I. B. Tauris Publishers, 1998. P. 2. В русском переводе см.: Отечественные записки. 2003. № 5.
- 4 Мангейм К. Демократизация культуры // Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.: СПб.: Университетская книга, 2000. С. 167. Мангейм основывал свои выводы на процессах в Европе между двумя мировыми войнами. Мотивы, по которым весь анализ Мангейма оказался вытесненным из современной версии теории модернизации, указывает Крейг Калхун в уже

цитированной лекции: «Откуда берется теория модернизации? Это аксиома, что американцы и западноевропейцы не несут никакой ответственности за нацизм. «Нацизм — это вообще не наша проблема: нацизм — это было традиционное движение, нехорошее средневековое атакистическое движение, которое возникло откуда-то из прошлого». Надо было отделить Запад от нацизма. Нацизм вырос не из современности, мы не имеем ничего общего с нацизмом. И, более того, следующий шаг — нацизм очень похож на сталинизм, на прочие тоталитарные режимы, которые мы находим дальше и дальше на Восток от нас. Это другие — это не мы».

- 5 Хотя вовсе не очевидно, что это может быть только государство — главное же, напротив, стремление к реализации указанной функции.
- 6 Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. С. 294-310.
- 7 Интересно, что думают китайцы, когда читают такого рода работы российских авторов? Мы болезненно реагируем на западные штампы о России и сетуем на то, что западные СМИ все еще живут мифами холодной войны. Но у многих европейских стран есть хотя бы реальные исторические основания для того, чтобы придерживаться этих штампов. У нас же на этот счет есть, главным образом, страхи русских писателей и поэтов столетней давности.
- 8 Соловьев в разных работах приписывал восточную угрозу то китайцам («Враг с Востока»), то японцам («Три разговора»).
- 9 К.Н. Леонтьев в письме к Розанову от 13 июня 1891 г. писал: «Вообще же полагаю, что китайцы назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки».

## ЦЕННОСТИ

### Максим Трудолюбов:

Давняя история ценностного самоутверждения России и попыток «нас» противопоставить «им» в короткий период российского нефтяного триумфа выплеснулась на телеэкраны, газетные полосы и книжные полки. До тех пор, пока все верили, что Россия будет оставаться тихой гаванью посреди мирового экономического шторма, во многих было живо стремление почитать Западу лекции об истинных ценностях.

Происходило это самоутверждение, конечно, не впервые, о чем напоминает историк Никита Соколов (см., например, его статью «Патриотическая чесотка»). На протяжении всей нашей истории представления идеологов российской особенности то уходили на второй план, то становились определяющими. Так было в 30-е и 40-е годы XIX века, когда процесс самоутверждения привел к Крымской войне и пошел на спад, чтобы снова возродиться в 70-е годы. Книга Николая Данилевского «Россия и Европа» стала манифестом общественного подъема того времени. Идея глубокого различия между русской и европейской «цивилизациями», вера в славянское единство, в народбогоносец (Достоевский) и православный Константинополь (Тютчев) привели к русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Похожим был и общественный процесс, приведший к русско-японской войне 1904–1905 годов.

Самобытность — это не противоположность единой теории модернизации

В 2000-е годы, вместе с невиданным ростом доходов, мы снова почувствовали себя на коне. Снова зазвучали — часто в исполнении церковных лидеров — слова о наших «традиционных ценностях», противостоящих «их» фальшивым правам человека. Заговорили об историческом шансе вернуться в «большую игру» в роли державы, с которой «считаются» (см., например, Наталья Нарочницкая «Россия и русские в современном мире»). С точки зрения убедительности в этих выступлениях, как правило, есть проблемы с тем, кто, как и почему должен «считаться». Но в этом нет ничего нового —

г у м а н и т а р н ы й  
**КОНТЕКСТ**

**Главный редактор**

Андрей Колесников

**Научный редактор**

Виталий Куренной

**Заместитель  
главного редактора**

Василий Жарков

**Редакционный совет**

Даниил Дондурей  
Денис Драгунский  
Владимир Кантор

Борис Капустин  
Алексей Кара-Мурза  
Алан Касаев

Александр Кустарев  
Владимир Лопухин  
Дмитрий Орешкин  
Юрий Пивоваров

Владимир  
Преображенский  
Алексей Руткевич  
Александр Филиппов  
Эрик Шур

главный редактор журнала «Искусство кино»  
главный редактор журнала «Космополис»

член редколлегии журнала  
«Вопросы философии», профессор ГУ-ВШЭ  
профессор Йельского университета (США)  
зав отделом Института философии РАН  
директор дирекции стран СНГ и Балтии  
«РИА Новости»

публицист, Лондон  
президент компании «Вангвард»  
политолог  
директор ИНИОН РАН

заместитель генерального директора  
компании СУЭК  
декан факультета философии ГУ-ВШЭ  
зав кафедрой факультета философии ГУ-ВШЭ  
журналист

**Дизайн-макет**

Валерий Калныньш

**Адрес редакции:** 115035 Москва,  
Черниговский пер., 9/13, стр. 3  
+7 (495) 959 42 27; [www.politphilosophy.ru](http://www.politphilosophy.ru)

**Иллюстрации**

Екатерина  
Коробкина

Отпечатано в типографии «Диджитал Экспресс»,  
тел.: (495) 775 08 00

**Корректурa**

Нина  
Шахмалиева-Саввина

Подписано в печать 27.04.2009.  
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

**Верстка**

Варя  
Ламова

Свидетельство о регистрации  
средства массовой информации  
ПИ №ФС 77-34538 от 02. 12. 2008